

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Три и двое. Глава тринадцатая: Господствующая рабыня

Раздевать женщину приятно, даже если секс не предусмотрен в программе дня. Равно как и смотреть на то, как она выскальзывает из тесных объятий платья, белья и всего того, что умудряются натянуть на себя женщины, творя свой внешний и внутренний образ богини. Или, на крайний случай, королевны.

Кайра послушно дала расстегнуть пояс, извилистую молнию (и кто такое придумывает, делать нечего?), стянуть широкие лямки произведения искусства какого-то дизайнера. Платье, легло к её ногам, демонстрируя ажурность лифчика, крупные соски упругих грудей, сжимаемых этим лифчиком, и татуировку какой-то птички в самом нижнем уголке голого лобка.

— Повернись. — Дика вытянула палец, покрутила в воздухе. — Ещё раз повернись. Конфетка, а не сучка.

— Да, госпожа. — Кайра повернулась ещё раз. — Я рада угодить госпоже.

— Раздевай раба. — Дика стукнула плёткой по полу. — И не забудь при этом его возбудить. — А чего меня возбуждать? Итак, боец уже на изготовке, томится в упругих объятиях трусов.

— Слушаюсь, госпожа. — Она наклонилась к моему поясу, зашарила по поясу в поисках пряжки. Дика шагнула к ней сзади, прижалась к её заднице, заводила плёткой по спине. — Ой. — Клара явно не ожидала такого.

— Что ойкаешь? — Дика шлёпнула ладонью по голой ягодице — звонко, но ласково и несильно. — Никто тебя плёткой не бил? А вот так? — С этими словами она отстранилась и зашарила свободной рукой между ног, предварительно толкнув коленом левую ногу Клары.

— О! — Клара рванула на мне ремень, трясущимися руками стала расстегивать молнию и выдавливать пуговицы через разрезы коушин. — Госпожа!

— Да? — Это она ей туда суёт кожаную рукоятку плётки? Ну, дела! — Нравится?

— Да, госпожа! — Она вырвала член из плена трусов, заголила кожицу на уже лиловой головке. — Ой! — Дика двинула рукой, выбив громкий всхлип-визг у Клары. — Ой! — Куда ей мой член? Откусит ещё при таком раскладе!

Рубашку, майку и прочее я снял сам, так как девчухи так вошли в процесс, что моё тело нужно было только как опора. Клара вертела задницей, распаяясь всё больше, цепко удерживая меня за пояс. Только иногда она яростно лизала языком мой член, словно приправляя моим запахом и вкусом удары наслаждения от шурующей внутри рукоятки плётки. Несмотря на качку от наслаждения, где шторм доходил до девяти баллов, как минимум, она, атакуя член, его теребила, сосала, вновь лизала, но всегда ласково. А потом вновь улетала, зажимая в потной ладонке мой каменный кол члена, показывая глаза, в которых кроме адского пламени похоти ничего не было. В одну из таких атак, не выдержав, я ухватил её за волосы и не отпускал до тех пор, пока не выбросил напряжение в её ласковый рот. Она проглотила всё и даже не хотела отпускать меня изо рта. Но оргазм накрыл её, заставив отпустить меня. Упираясь руками в стенку, хрипя что-то крайне матерное, Клара-Кайра в экстазе так выгибалась, что дала бы фору любой гимнастке из олимпийской сборной!

Несколько минут мы прибывали в тишине. Клара на коленках, уткнувшись лицом в низ живота Дики, уставшая Дика, упирающаяся на подушку, но ещё стоявшая на коленках, и я,

наблюдавший всю эту картину сверху, так как стоял.

— Какими вы оказались сладенькими. — Клара подняла голову. Довольное лицо с горящими глазами. — А теперь, все за мной!

— Клара. — Начала говорить Дика.

— Нет Клары. — Женщина замотала головой. — Там, вон, в горке возьми бокалы. Ты — шампанское в холодильнике. А я кровать приготовлю. — И уже с порога гостиной. — Зовите меня Кайра. Для своих я Кайра.

Они с мужем практиковали такие игры. И менялись ролями — то она госпожа, то он строгий господин. Но то ли работы в последнее время стало много, то ли там, у буржуинов, у него кто-то появился, такие игры стали всё реже и реже происходить. И Клара просто умирала от желания, раздиравшего её на тысячу мелких частей. В результате чего, у неё скоро появились подружки, также не отрицающие такие ролевые игры. Да, те самые — красивые, привлекательные, сексуальные и очень требовательные. Обо всём этом она успела рассказать, пока мы устраивались на кровати, открывали шампанское, выпивали и закусывали.

А потом Кайра, Дика, я занимались сексом. Нет, вернее сказать, нас занимали сексом. Не знаю, как это назвать, но эта блондинка была жадна до секса. Мягко говоря. Её хватило и на меня раза три, и на Дику также раза три-четыре. Никогда не думал, что женщина может так жадно заниматься сексом. Ей было постоянно мало. Только опадёт на кровать Дика, измученная её умелым язычком, как она уже занимается моим членом, только что усердно двигавшимся в её киске. Не успели мы принять душ, как она, покручивая задницей, милой, кстати, и очень разработанной, уже тянет Дике трусики с точащим колом искусственного фаллоса. Мы переглянулись между собой и навалились на неё. Она выдержала наш натиск. Выдержала даже двойное проникновение, когда Дика драла её в задницу, а я насаживал её на свой член, сжимая горячие бёдра этой сексуальной маньячки. Кайра всхлипывала, трясла головой, заклёбывалась в оргазме, но трясущейся рукой уже искала выскользнувший из неё усталый член покорного раба.

Под утро, когда солнце силилось пробиться сквозь облака, бежавших в испуге от ветра-хулигана, мы вышли из подъезда. С натруженными всеми местами, коими можно было «делать секс», и уставшие как рабы с галер. Мы неспешно двинулись по просыпающемуся городу, стараясь прийти в себя.

— Знаешь. — Дика, остановилась, поправила мне шарф. — Похоже, что я наигралась этим. Я больше не хочу. — Она вздохнула. — Вот такого.

— И мне что-то не того. — Хотя внутри я просто очумевал от такого бурного и ненасытного желания секса. — Всем хороша, но просто какой-то марафон. — И помолчав, добавил. — Просто олимпийский марафон по траху.

Ветер крутил вокруг нас воздух, давил на нас, словно пробовал на прочность, а мы, молча, шли и шли, наслаждаясь тем, что её рука, лежала на моей руке, а ноги одновременно наступали на землю.

Дома Лидка стянула с себя одежду, встала голой у зеркала, рассматривая себя.

— Следы укусов ищешь? — Кайра в экстазе ткнула меня за спину и немного подрала ягодицы когтями. Страстная сучка! Или маньячка?

— Нет. — Поворот правым боком. — Знаешь, она нежна была со мной. А тебя, видно, очень сильно полюбила. — Последнее слово она выделила голосом. — Я даже стала ревновать, когда

ты её в две дырки. — Ну, да. Своим в рот, а игрушкой в киску и рваным ритмом до наступления её оргазма. Пришло в голову спонтанно. И получилось очень даже эффективно.

— Слушай, Лид, ты не начинай? — Я сел в кресло, вытянул ноги. — Не мог же я сказать — слушай, мне тут немного не того перед женой, я в уголке постою.

— Да? — Она оперлась ладонями о подлокотники кресла, нависла надо мной, показывая уже напрягшиеся соски, лоснящиеся от крема груди, бедра, заматывая в облако манящего парфюма. — А почему?

В другом случае, я просто её подтянул бы к себе, посадил лицом к себе, ввёл бы в вулкан член и не отпустил бы до тех пор, пока она не затихла бы в бессилии от прокатившей волны оргазма. знаю как у других, но у нас это походило на такое нежное, чуть подёрнутое тонким флёрот эротики лежание в одной кровати. Где голые тела не занимались сексом, а ласково касались друг друга, позволяя почувствовать вдруг, что грудь Лидки и Вики одинаково мягко-упругие, а перебирание волос на моей голове лучше удаётся Вике. А Лидка очень ласково и очень нежно может шутливо пощипывать за холку, лениво обзывая меня котярой. Не знаю как они, но я засыпал, обнимая их обеих, в состоянии полного счастья. Даже обязательный послеобеденный звонок Кларе-Кайре со сладкими речами и игривыми нотками не испортил этого настроения. Мне было ХОРОШО.

В понедельник оказалось, что работы у нас прибавится. Подписан новый контракт, а людей, как всегда, раз-два и всё. «Окрылённые» данной новостью, ибо всё теперь упиралось в нас, как мы быстро подготовим документы и расчёты, так всё остальное и завертеться, вечером мы с Викой ввалились в квартиру, где Лидка уже крутилась у плиты. За ужином пришла вторая новость — на фирму к Лидке через две недели приезжает комиссия с проверкой и за эти четырнадцать дней надо нарисовать картину финансового если не благополучия, то положительного развития. В головной компании знают, что директор крадёт, но доказать не могут. Или не хотят. Но это их дела. Отдуваться приходится бухгалтерам, таким как Лидка. Рисуй и наслаждайся. Короче, две недели мы с Лидкой виделись мельком. Она зачастую зависала на работе до часа, и мы с Викой встречали её на автобусной остановке, доводили домой, кормили-поили, укладывали спать. И сами заползали под одеяло, стараясь не будить уставшего гения финансовой отчётности. И очень ласково будили к уже готовому завтраку. Прямо-таки идеальная шведская семья. Но без секса, так как все были вымотаны. На третью неделю рабочий вариант проекта был сдан шефу, комиссия, по каким-то причинам у Лидки задержалась, и мы упали в кровать с единственной мыслью — спать!

Когда хлопнула дверь, я проснулся. Покрутив руками вокруг себя в кровати, никого не нашёл. Отчего, сонный и вялый, вышел на кухню. У нас в квартире два места сбора — кровать и кухня. Туалет и ванная — дело интимное, до известного предела, и не были таковыми. Но осмотр сонным глазом просторов кухни не показал следов пребывания красавиц дома. Махнув рукой «а и хрен с ними, пусть оттянутся, если срыли куда» я выпил рюмочку и пошёл досыпать. Но продолжить восстановительный сон мне не дали. В дверь зазвонили. Тихо матерясь, подскакивая на одной ноге, не буду же я голым стоять в дверях, я добежал до двери и распахнул, желая поинтересоваться у звонившего какого, собственно, ему нужно?

Но слова застряли в глотке, не успев перейти в вокальную партию. На пороге стояла Ольга. Не говоря и слова, она толкнула меня внутрь, шагнула через порог.

— Лидка дома? — Плащ соскользнул с плеч, оставшись горкой на полу.

— Нет. — Я чувствовал, что она вся кипит. От неё что-то такое шло, даже не волнами — цунами, затягивая в самую пучину, отчего мой спавший дружок встрепенулся.

— Понятно. — Она повернулась ко мне, нащупала за своей спиной щеколду на двери. — Ты только ничего не говори? Хорошо?

— Это ты о чём? — Нижняя часть меня уже догадалась, а вот верхняя, как-то тупила. Ну, голова не головка, требует разгона.

— Иди ко мне — узнаешь.

Губы её втянули мои мозги, выбив из них всё сонную негу. Руки мои обвили её талию, дав насладиться упругостью её тела и запахом её желаний. А затем нырнули по бедрам вниз, выбираясь из складок собираемой ткани платья. Пальцы ощутили этот испепеляющий жар ещё до того как прижались к скользкому полотну колготок. Новомодные колготки на бедрах не сильно сопротивлялись пальцам, которые, дрожа от нетерпения, не стали вести никаких эволюций вокруг, да около.

— Стой. — Она откинулась назад, тяжело дыша от нашего сверхдлинного поцелуя. — Стой.

— Зачем? — Колготки оказались у неё в районе коленок. — Зачем? Ведь всё ясно. И зачем слова?

— Ты — Она втянула в себя воздух, словно собиралась нырнуть очень глубоко. — Ты...

— Я с тобой. — Полусапожки улетели в угол, отпустив колготки в свободный полёт. Какой запах! Член взвыл, выбивая последние крупницы сознания, взывавшего к совести. — Не надо говорить.

— Я...

— Ты. — Наши губы вновь спаяла страсть, заставляя руки метаться по телу своего любовника в поисках места, где они могли бы остановиться и насладиться партнёром. Но такого места не находилось, отчего мы напоминали слепых, пытавшихся в спешке найти спасительный кран, останавливающий катастрофу.

А катастрофа надвигалась высотой с Фудзияму. Не меньше. Я, Ольга, Лидка, Вика, эта ненасытная Кайра, вся наша, сексуальная сила, рвущееся наружу, смешались, сплелись в единую силу. Такую силу, которая уносила нас от окружающего мира, поднимая всё выше наши тела, наши сердца, наш маленький мир двух тел, сформировавшийся сейчас, здесь — в этом узком пространстве прихожей, на космическую высоту. Где, кроме нас, наших сердец, пульсирующих в такт ритму сексуального влечения, ничего не было. Да, и не могло быть. В космосе пары существует только мир этой пары. Остальное просто проходящее мимо. А на такое стоит сейчас обращать внимание?

Платье, снятое через голову, показало её тело, манящее своими изгибами, роскошное тело, и грудь, закованную в тесные пределы красивого лифчика. Спущенные же «ночные» штаны дали прижаться налившемуся желанием члену к дрожащему от желания жаркому животу Ольги. Молчаливая борьба с раздеванием повернули нас в прихожей, выставив прямо напротив зеркала. В котором наши зеркальные двойники страстно обвивали друг друга руками, мычали от получаемого наслаждения поцелуя, прикосновений. И, похоже, они тоже бросали на нас взгляды полные страсти и похоти.

Раньше, читая романы, когда попадались строки о похоти, в разном там варианте вроде «похотливый взгляд», «похотливое чувство» и тому подобное, я понимал, что это, ну, не очень того, правильно. А вот сейчас я чувствовал, что наша похоть это нормально, наша плоть требовала этой похоти, наша пара купалась в этой похоти и её ненасытности.